

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

В 22 года он весил
сто килограммовИСТИНЫ И ОБМАН
АНДРЕЯ КОНЧАЛОВСКОГОЕСЛИ БЫ Я НАПИСАЛ
ВСЕ, ЧТО ДУМАЮ,
МЕНЯ БЫ УБИЛИ

— Читая вашу книгу, так и хочется упрекнуть автора в цинизме...

— В чем мой цинизм? Я рассказываю о том, что со мной случилось. Вы считаете, что если бы я не сказал ей, что не люблю ее, это не было бы цинично?

— Но согласитесь: то, что вы пишете о своих отношениях с любимыми и любящими вас женщинами, — наждаком по сердцу!

— Конечно! И хорошо, что наждаком по сердцу! Было бы гораздо хуже, если бы вы смеялись, читая об этом. Так было! Понимаете? Я даже скажу больше: если бы я не написал этого, у меня было бы ощущение, что я не сделал того, что очень бы хотел сделать. Книг, в которых об этом не упоминается, — тысячи. Многие делают и делают то, о чем я написал в своей книге, но эти многие никогда не напишут об этом. Они, по-вашему, не циники?

— Тогда надо было последовательным и добивать уж читателя до конца.

— Зачем же? Есть грань между эскизбионизмом и откровенностью, которую каждый волен проводить для себя сам. То, что я могу рассказать врачу-психиатру, я не буду рассказывать своему другу. Человеческая жизнь тем и интересна, что существует восприятие сродни рассматриванию себя голым перед зеркалом. Но при этом человек не хочет, чтобы на него смотрели посторонние. И я тоже не хочу, чтобы на меня в такой ситуации смотрели. Но когда человек знает, что за ним подглядывают, он будет вести себя по-другому. Вот и я допустил читателя в свою жизнь ровно настолько, насколько хотел допустить посторонних в свою жизнь.

— Между прочим, в первой вашей книге «Низкие истины» встречаются фрагменты физиологического свойства — сродни приведенному вами примеру с разглядыванием себя голым перед зеркалом.

— Я иду по стопам Сартра и Жан-Жака Руссо. Руссо писал об этом с гораздо большим развитием темы. Так что меня вдохновлял пример классиков.

— Они творили в области изящной словесности. А вы свой жанр определяете иначе.

— И то, и другое — исповедь. Другой вопрос, — я мог бы вообще ничего не писать, а только наговорить на диктофон, или снять крупный план и рассказать обо всем этом с экрана. Другое средство — но суть осталась бы той же. Я рассказывал о своей жизни человеку, которому я верю, человеку, которому я могу открыться. Знаете, когда люди сидят на кухне — это одно, а потом кто-то садится и начинает писать — получается совсем другое.

— Многие читатели и зрители — во всяком случае, потребители высокого искусства — живут иллюзиями, а вы их разрушаете.

— Я не для эстетов писал. И вообще — не для какой-то определенной категории, а для тех людей, кому это будет интересно, которые могут это принять.

— А если не примут?

— Если не примут... Ну, что же делать? Винават.

— Стало быть, вы еще и эгоист?

— Безусловно. Я эгоист. А вы нет? Только вы в этом не сознаетесь, а я признаюсь. Мы все несовершенные люди. Помните у Бертолуччи фильм «Двадцатый век»? Я бы этот фильм тоже не стал своей маме показывать. Или его же фильм «Последнее танго в Париже»... Фильм сделан откровенно. Я бы сказал — безобразно откровенно. Эта картина очень повлияла на меня.

— В каком плане?

— Есть люди, которые доходят до определенного предела в своем восприятии мира и им хочется перешагнуть какой-то рубеж. Иногда у них это получается, иногда нет. Вспоминаю замечательные слова Бергмана: «У художника иногда возникает желание выйти на сцену, подойти к рампе, выбежать в зрительный зал, а потом убежать за кулисы и повеситься». Боже мой! Какая фраза! Она говорит о том отчаянии, которое охватывает художника, когда он бывает искренним или неискренним. Это то, что сейчас происходит с моим братом. А сколько раз меня подозревали в неискренности?! Оказывается, «Ася Клячина» была неискренняя картина... Я не думаю, что моим рассказом будет хоть что-нибудь развешено. Может быть, в этом есть определенное безумство или идиотизм...

— А может быть, ваша книга — это апроприация какого-то невоплотившегося сценария?

— Я думал и думаю о том, что на эту тему можно сделать сценарий, но пока просто захотелось запечатлеть на бумаге то, о чем никто не узнает, если я умру... Я не пытался создать какой-то образ.

— Художник, который не лепит собственный образ... Так не бывает. Возвышающий обман — разве это не образ?

— Также образ. У каждого — своя система ценностей. Мы прекрасно понимаем: ничто на свете не имеет никакого смысла, кроме того смысла, который мы сами придаем чему-то. Все остальное — от лукавого. Конечно, жизнь не так прекрасна, как нам хочется. Но от этого мы не ценим ее меньше. И люди не так хороши, как хотелось бы мне и вам, но от этого они не менее дороги, потому что других людей у нас с вами нет. И их надо любить, этих людей. Какие они? Воры, эгоисты, часто несчастные, часто совершающие самые непрезентабельные поступки, всегда боящиеся смерти, голода и холода, жертвующие всего десять процентов своего существования во имя другого человека, а все остальное время — живущие для себя. Но эти десять процентов (а

лать Льву Николаевичу Толстому, Александру Сергеевичу Пушкину и всем дворянам, которые внешне жили вполне благополучно? Даже ссылка в Михайловское не мешала поэту развлекаться с девочками, которых поставила Арина Родионовна, и писать письма: мол, посылаю тебе девку, позаботься о ребенке... Но ведь и это могло быть страданием. Ошибочно думать, что страдание — это обязательная нищета, унижение и оскорбление. Это очень по-русски. Да, я прожил благополучно. Но ведь и Лев Николаевич тоже жил благополучно, но это не мешало ему создавать шедевры. И именно потому, что он страдал.

— Сейчас ваши недоброжелатели постоянно твердят о нарушении братьями Михалковыми принципа равных стартовых возможностей: папа помог!

— Это называется: «Если бы...» В определенном смысле — это наша беда. Не кажется ли вам, что человеку — особенно в России — не свойственно жить своей жизнью? Он всегда говорит: «Вот если бы мне дали это, то я бы...», вместо того, чтобы спросить: «Что я должен сделать для того, что-

Я ЗАБОЧУСЬ О
СВОЕМ ЗДОРОВЬЕ,
ПОЭТОМУ ЕЩЕ
МНОГОГО ДОБЬЮСЬ

— Андрей Сергеевич, вы вообще где живете?

— Я живу там, где работаю, вообще-то. У меня книжка вышла — вот я и приехал в Россию. Но сейчас, очевидно, уеду в Америку — у меня там должна быть работа. В России сейчас сложно с кино, приходится работать в Америке.

— Вы можете назвать своих любимых режиссеров?

— Любимый режиссер — это как любимый писатель. Наверное, очень трудно открыть нового любимого режиссера, когда ты уже сформировался. Мои любимые писатели и режиссеры — те, которые на меня повлияли в мои 18 — 20 лет: Чаплин, Феллини. Мне до сих пор интересней смотреть их картины, чем новые.

— Вы смотрите наше нынешнее кино?

— Понимаете, русское кино мне сейчас не нравится, потому что режиссеры еще только пытаются найти, о чем говорить. И де-

коллегам, артистам: учи английский — я тебе найду работу! 15 лет назад, даже 20. Встречаю потом лет через пять: «Ну что, учишь?» «Да нет, все как-то некогда, стимула нет...» Дорогие мои! Если б стимул был... Надо без стимула работать, с одной своей собственной идеей. Надо понять, что не вы можете свою жизнь прожить, а жизнь вас прожигает. То есть вы всю жизнь будете сидеть и смотреть в окно. Или жаловаться, что у вас плохой начальник.

— Ну, хорошо. С чего нужно начать завтра?

— Во-первых, с утра надо вспомнить, что если вы не почистите зубы, у вас будет отвратительная улыбка и вообще на вас будет неприятно смотреть. А если на вас неприятно смотреть, да еще дурно пахнет изо рта — карьера у вас не очень-то сложится...

— Это в Америке.

— И здесь то же самое. Надо уметь быть привлекательным. Лично я считаю, что главное в жизни человека — это здоровье. Его нельзя ни на валюту купить, ни по знакомству получить. Я в 22 года весил 100 кило. И вдруг стал

ете? Случай падает на того, кто может его использовать. Надо верить, что случай придет. Вообще это самая большая работа — верить в себя и добиваться. Я сам совсем недавно это понял. Понял, что все на свете — это работа.

— А дружба, любовь?

— Все! Вот именно: отношения между людьми — это большая целенаправленная работа. Между режиссером и актером — вообще искусство. Когда мы общаемся — мы что-то строим или разрушаем. Самая главная формула продуктивного творчества — это взаимозависимость. Но это очень трудно понять!

— Ваши правила общения?

— Если ты хочешь, чтобы общение было эффективным, чтобы возникло, например, дружба, надо на отношения влиять. Главное правило: не реагируй, а действуй! Вот на вас наорал кто-нибудь — и вы на него в ответ орете, сам, мол, дурак. То есть вы больше реагируете, чем действуете. И получается, что наоравший навязывает вам свою форму поведения. Но вы же свободны в своем выборе! А это значит: наорал на вас кто-то — а вы улыбайтесь.

— Поговорим о благе и людях, которые проживают сами. В Америке как больше принято?

— Во многих странах часто все устраивается по знакомству. Но есть формы государств, где надо быть прежде всего самим собой. Только важно выбрать, чего ты хочешь — быть знаменитым или богатым. Есть много богатых, но не знаменитых, и наоборот. У человека, строящего свою карьеру, есть несколько правил. Первое: он должен быть продуктивным не для себя, а для дела. Все хотят зарабатывать — но с этой мыслью вы никому не нужны. Вы нужны везде с идеей «я могу помочь вам заработать». Если человек с такой идеей приходит на любое предприятие — он сразу становится нужным. Второе: он должен быть всегда доступен. Если ему поручают сделать что-то вечером, после работы — он должен это выполнить. В противном случае это сделает кто-то другой — и окажется более нужным и полезным.

— Ну, это просто человек-машинка, который все рассчитывает и вычисляет...

— В человеке часть от ангела, а часть от животного. От животного он отличается тем, что в состоянии контролировать свои чувства, свои эмоции. Хотя это очень, очень трудно. Поэтому, в частности, важно в жизни еще и понять, что вы любите, а что нет. И как избавиться от того, что вы не любите. А вообще неудач нет. Есть только неправильный выбор в данный момент.

— Андрей Сергеевич, а какое качество в Голливуде вам пришлось в себе искоренить, чтобы добиться успеха?

— Самодовольство. Поначалу я был убежден: мои идеи такие замечательные, что их сразу купят и я получу работу.

— А какие чисто русские привычки?

— Ну, самая главная русская привычка, от которой пришлось избавляться, — это перебивать людей. Мы не умеем слушать. А если даже и слушаем из вежливости — то все равно не соглашаемся ни на что, что говорит нам наш оппонент. И как только он кончает говорить — продолжаем талдычить свое.

— Значит, надо слушать, делать вид, что тебе интересно, улыбаться, поддакивать...

— Нет, это уже манипуляция с партнером. А я говорю о вечных принципах. Желание понять собеседника — это принцип христианский. Возьмите молитву Сирина. Там просто замечательно сказано: Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любования, празднословия не даждь ми — не дай мне. Не трепись! И не завидуй! Твой успех не зависит от успеха другого. Успеха хватит на всех!

Встречалась
Мария ФИЛИППЕНКО

Смотрите ток-шоу «Аквамарин Z» каждую субботу в 13.30 на канале REN-TV. 10 апреля гостями передачи «Москва слезам не верит» будут бывшие провинциалы, а ныне москвичи: звезда Большого театра, танцовщик Николай Цискаридзе, только что получивший премию «Золотая Маска», и красавица Маша Макарова из группы «Маша и медведи».

Желающие принять участие в дальнейших съемках или пообщаться, могут позвонить по телефону 246-97-81 или отыскать страничку в Интернете: www.AKVA-Z.RU
e-mail: info@AKVA-Z.RU

Ольга Юрьевна Давыдова

Событием культурной жизни столицы стала изданная «Вагриусом» вторая книга Андрея Кончаловского «Возвышающий обман». Естественно, автор оказался в центре журналистского внимания. Предлагаем читателям «ВК» два интервью с кинорежиссером. Первое состоялось накануне отъезда Андрея Кончаловского в США. Второе — в студии REN-TV, когда снимался очередной выпуск программы «Аквамарин Z».

может быть, и всего один!) делают их достоинствами нашей любви.

— По вашей книге выходит, что с каждой актрисой, которую вы снимали, у вас был роман — будь то Купченко, Болотова, Андрейченко, Коренева, Бинош...

— Это всё — во второй книге. А в первой я написал о тех женщинах, с которыми у меня не было романа. Например, с Джулией Эндрюс, с Настасьей Кински...

— Вы пишете все то, что думаете?

— Далеко не все. Если бы я написал все, меня бы убили — повесили и растерзали. В определенном смысле, так оно и есть. Я получаю удовольствие от того, что люди удивляются моей книгой. А ведь все написано безбоянно. Просто для России такая откровенность в новинку.

— Есть заповеди, нарушать которые считается грехом. Среди них — не прелюбодействовать, не пожелать жены ближнего...

— Не могу сказать про себя, что живу по заповедям в полном смысле слова и соблюдаю их. Я грешен. Но я стараюсь, у меня есть угрызения совести. Впрочем, это мои проблемы. Вообще, русские люди — философы. Для них знают заповеди и жить по ним — совершенно разные вещи. По истине живут очень немногие. Одни признаются в этом, другие — нет.

— Ваша книга создает образ очень благополучного субъекта: молодой человек из обеспеченной семьи, имел возможность с юности хорошо одеваться, ходить по ресторанам, посещать Дом кино, заниматься тем, чем хотел — снимать кино, ездить на Запад во времена «железного занавеса»... Вы благополучный человек?

— Я — благополучный человек.

— Но искусство питается не-

счастиями, страданиями...

— А почему вы считаете, что человек, который благополучно живет, не может страдать? Что же тогда де-

лается это к тому же иногда не очень профессионально. Американское же кино всегда профессионально. Если даже картина неумная — идет она быстро, смотреть ее весело. Вот почему молодежи так нравится американское кино. Правда, посмотрел — и забыл. Но пока посмотрю — интересно.

— Вашим воспитанием и образованием вы обязаны больше матери или отцу?

— Все мы, Михалковы, из семьи художников и артистов. Из потомственной интеллигенции. Культура в каком-то смысле наследственная. В раннем детстве мама учила меня больше, чем папа. Но это до определенного возраста. Так и у меня было с моим старшим сыном Егором. Когда его стали интересовать те же вещи, что и меня — мы стали друзьями. А вот мои младшие дочери, Лена и Наташа, сейчас со мной, наверное, часто скучают. Я не умею веселить. Ну, побегаем, ну, в салочки поиграем. А потом со мной делать совершенно нечего. Наверное, так уж я устроен как человек. Я им даже книжек не читаю. И мы больше рисуем, разговариваем. Я учу их анализировать эмоции.

— А вы детям разрешаете смотреть телевизор допоздна?

— Их мама не разрешает.

— А видео?

— Видео, наоборот, это очень важно. Мультики, например, детей очень образовывают — на английском, на французском. Какие-то важные вещи, языковые обороты входят в детское подсознание.

— То есть знание языка вы придаете первостепенное значение?

— Сейчас дочки учатся во французском лицее. Поскольку они, так сказать, русско-французские граждане. И я считаю, по-русски и по-французски они должны говорить одинаково свободно. Потом будет английский... Сколько раз я говорил моим друзьям,

— Я думаю, что для России такая откровенность в новинку.

— Это всё — во второй книге. А в первой я написал о тех женщинах, с которыми у меня не было романа. Например, с Джулией Эндрюс, с Настасьей Кински...

— Вы пишете все то, что думаете?

— Далеко не все. Если бы я написал все, меня бы убили — повесили и растерзали. В определенном смысле, так оно и есть. Я получаю удовольствие от того, что люди удивляются моей книгой. А ведь все написано безбоянно. Просто для России такая откровенность в новинку.

— Есть заповеди, нарушать которые считается грехом. Среди них — не прелюбодействовать, не пожелать жены ближнего...

— Не могу сказать про себя, что живу по заповедям в полном смысле слова и соблюдаю их. Я грешен. Но я стараюсь, у меня есть угрызения совести. Впрочем, это мои проблемы. Вообще, русские люди — философы. Для них знают заповеди и жить по ним — совершенно разные вещи. По истине живут очень немногие. Одни признаются в этом, другие — нет.

— Ваша книга создает образ очень благополучного субъекта: молодой человек из обеспеченной семьи, имел возможность с юности хорошо одеваться, ходить по ресторанам, посещать Дом кино, заниматься тем, чем хотел — снимать кино, ездить на Запад во времена «железного занавеса»... Вы благополучный человек?

— Я — благополучный человек.

— Но искусство питается не-

счастиями, страданиями...

— А почему вы считаете, что человек, который благополучно живет, не может страдать? Что же тогда де-

Александр ЩУПЛОВ